Веч. Москва. – 2003 – 19 Дек. – с. 9

Будем как Моцарт!

ДМИТРИЙ ДИБРОВ: Я ИЗ ТЕХ ШИЗИКОВ, КОТОРЫЕ УВЕРЕНЫ, ЧТО ЗДОРОВЫ, А БОЛЕН – ГЛАВРАЧ

Мы договорились о встрече в одном из московских ресторанов. Дибров, которому спустя пару часов еще предстояло вести важную церемонию, стремительно вошел в зал, на ходу скинув пальто. В следующую минуту он успел одновременно сделать с полдюжины неотложных дел: четко и лаконично с некой театральностью в голосе ответить на звонок мобильного, прикурить сигарету, обменяться любезностями с официантами, пробежаться взглядом по меню, сделать заказ и даже возмутиться, да так, что сам Станиславский бы поверил: «Как!? У вас нет каштанового мусса!? Не может быть!» В прошлый раз мы с Дибровым беседовали в менее пафосном заведении – в клубе «Китайский летчик Джао Да».

«Что-то пишу, что-то наигрываю на гитаре»

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

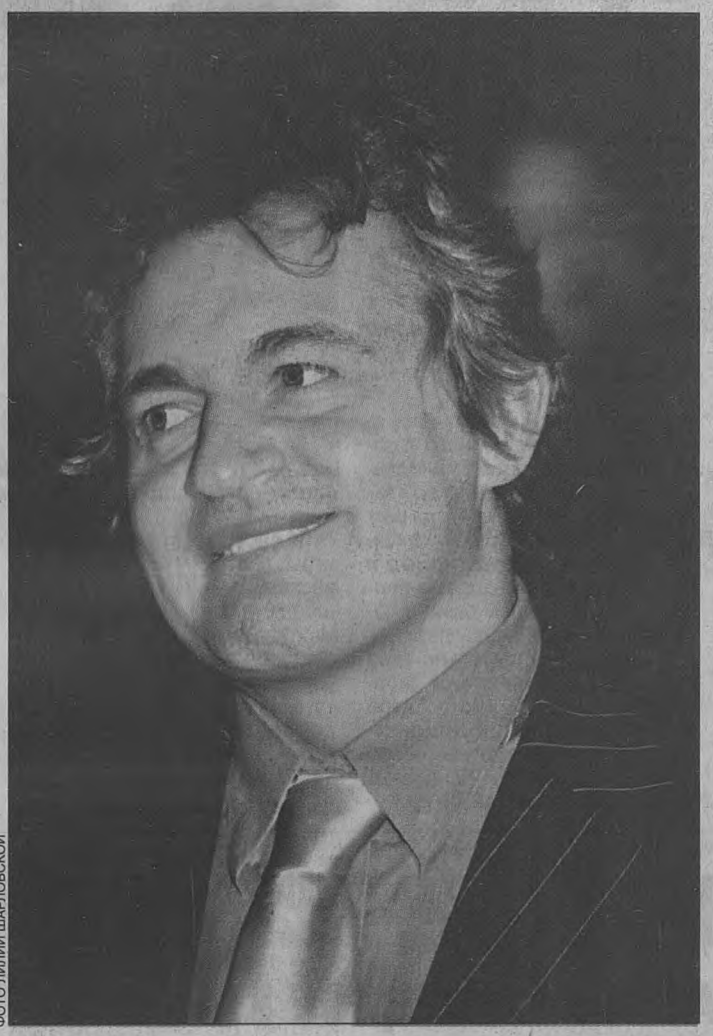
ФОТО ЛИЛИИ ШАРЛОВСКОЙ

■ Евгения ЕЗЕРСКАЯ

Чтобы задницей не сверкать

– Я по-прежнему люблю то место, – замечает Дибров. – Чем выше обезьяна взбирается на пальму, тем лучше видна ее задница. Поэтому я и прихожу туда – к простому народу, чтобы задницей не сверкать.

После этого программного заявления задаю первый вопрос.

– Выглядишь, как всегда, стильно. Но… эти черные круги и мешки под глазами… Сколько ты спишь, Дима?

– Ох… Сколько получится. За последние 7 лет организм перестроился настолько кардинально, что ночь для меня – самое продуктивное время. Что-то пишу, что-то наигрываю на гитаре. А именно – записываю второй диск. И если первая пластинка была посвящена блюзу, то вторая скорее будет напоминать «Pink Floyd». Времени сна не замечаю. Вскакиваю за час до первой запланированной встречи. Кстати, если бы я задумывался о том, где черпать энергию и силы, то давно бы уже выдохся. Только покой бы потерял, как тот дед, который озадачился вопросом – как укладывать бороду перед сном: поверх одеяла или под ним. Все дело в том, что мне необходим кайф – постоянно что-то делать, искать, находить, творить… Новое.

– И чем же «новым» ты собираешься в очередной раз околдовать телезрителей?

– Очень скоро, возможно в конце декабря на «Первом канале» состоится премьера программы, вернее тележурнала для полуночников под названием «Новое». Это проект ВИДа. Я же буду выступать в качестве курсора, указывающего зрителям на все новые явления и факты жизни, как в мире вообще, так и в нашей стране в частности. Вселенная не топчется на месте, а, наоборот, постоянно развивается, и моменты этого развития можно увидеть даже у себя на заднем дворе. Надо только открыть глаза. Это будет одновременно элитарное и остроумное, легкое повествование о том, как крутится и меняется Вселенная. И если у человека на следующий же день после эфира возникнет желание пристроиться в хвост этому движению, то наша миссия будет выполнена.

– «Новое» в науке, искусстве, политике… Можешь продолжить?

– …В социологии, в филологии, в музыке, в моде, в молодежном движении, да хоть в пирсинге. Например, знаешь ли ты, что в Калифорнии уже протезируют мозг при помощи электронного чипа! Сегодня проводят эксперименты пока лишь на маленьких участках мозга, но, позвольте, завтра будут делать микрочипы от глупости, и все мы, при желании, сможем стать Моцартами! Надо будет только выбирать чипы по вкусу: кому – «Моцарт», кому – «Дали». Представляю, сколько чипов Ходорковского будет раскуплено в первый же день.

– Интересно, сколько будет стоить чип Господа Бога? Это риторический вопрос. А вот на этот, пожалуйста, ответь: «Почему столь многообещающий проект опять заполнит недоступный для армии «жаворонков» ночной эфир?»

– Потому что прайм-тайм – это область, каждая минута которой описывается деньгами. А так сложилось, что деньги избегают меня. И правильно. Вор и скрипач обязаны сторониться бизнеса, чтобы не стать заложниками судьбы.

Мужики! Влюбляйтесь в женщин!

– То есть ты не чувствуешь себя заложником славы и денег?

– Конечно, нет. Скажу больше. Главная беда человека – это «ножницы» между его сущностью и существованием. Несчастен тот, кто, будучи в душе поэтом, влачит жизнь смотрителя автостоянки. Хотя вряд ли это испугает тех, чья единственная проблема – деньги. Они вполне могут процитировать гениальный монолог из спектакля «Поза эмигранта»: «Господь, я знаю, что испытание славой и богатством не менее страшное испытание, чем испытание бедностью и болезнями. Но почему одним ты посылаешь только один вид испытаний, а другим только другой? Нельзя ли ради разнообразия хоть изредка перемежать эти испытания?». То есть – и с миллионами в сумке, стоя посреди Майами, можно испытывать волчью тоску! С другой стороны, имея в кармане последние 22 копейки на кружку пива, можно быть абсолютно счастливым 18-летним карапузом Ростова-на-Дону, каким я себя помню. В моем случае происходит изумительное равновесие между духом и материей.

– Но можешь ли ты при этом назвать себя свободным человеком?

– Гм… Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода других. Имею в виду то, что я недостаточно свободен внутренне, чтобы пойти и наложить кучу посреди Красной площади. Я попросту никогда не пойму, зачем бы я стал это делать. Я внутренне несвободен и от того, что, имея телевизионное время на всю страну, я могу принародно раздеться или надраться в хлам и в таком виде горланить пьяные песни в прямом эфире! Но опять же останавливает непонимание – для чего мне это надо, какой здесь прок, кроме как для рейтинга. Свобода в моем понимании – это возможность сделать то, что считаю необходимым, но чтобы при этом не нанести ущерб свободе окружающих.

– Давай о более простых материях. Тебя можно назвать влюбчивым человеком?

– *(С энтузиазмом)* Да! *(Патетически)* Мужики! Влюбляйтесь в женщин, только – без башки, чтобы все летело в тартарары! Иначе что ж это за любовь?! Аптека какая-то.

– Романтик…

– Конечно! Еще какой! Правда, как-то прочитал в одной книге по психиатрии, что мое состояние называется парафелией! Это стремление какими-либо альтернативными способами завладеть сексуальным объектом. Дорогое белье, ужин в Париже, завтрак в Милане, экстремальный секс в ночном клубе и на лестничной клетке, тысячи свечей вокруг вашего ложа, поцелуй в машине на скорости 200 километров в час! И все это, как я выяснил, психическое заболевание, а вовсе не романтика! Но самое смешное – я из тех шизиков, которые уверены, что здоровы, а болен – главврач.

ФОТО МАКСИМА КРАСНИЦКОГО

«Даша – это навсегда»

Голуби залетали в нашу форточку

– Романтик уже дважды был женат…

– Это так. В первый раз женился хоть и по молодости, но и по любви, конечно. Мне было двадцать четыре года, но уже тогда я видел свое будущее. Всеми силами стремился к нему. Жили в обычной хрущевке со смежными комнатами. В чулане, помню, проделал три дырки, чтобы было, чем дышать, вентилятор поставил и кропал там репортажи для ТАССа. Надо же было семью кормить. Теперь, когда пою, что «я работаю по двадцать четыре часа, но мои дети голодны, а жена боса…», люди обычно смеются. Но начинал-то я никем – в той самой пятиэтажке. Гулял с ребенком. Сидел на скамеечке в окружении мамаш и бабушек и писал на коленках заметки. А родственники моей жены только приговаривали: «Ты, наверное, больной!» Но я искренне не понимал, почему должен сидеть в парке на лавочке с коляской. Надо, конечно, с сынишкой Денисом гулять, но я понятия не имел, почему гулять с ним должен был я! Словом, три года тянул лямку семейного быта. Потом развелся. Женитьба во второй раз уже была более осмысленная – не так, как описывает поэт Вишневский: «И грабли те же самые приветствуют меня…» Это было счастливейшее время в моей жизни! Когда мы просыпались в крохотной съемной и тоже «хрущевской» квартирке, голуби залетали прямо в распахнутую форточку! Брак продлился шесть лет. Родилась дочь Лада. Но я снова развелся.

– С тех пор жениться не расхотел?

– Я расхотел разводиться. Признаюсь, иногда думаю о женитьбе. Об этом, наверное, задумывается всякий человек начиная с 12 лет. И начинает приводить будущих жен уже в 8-м классе. Я не знаю ни одного женатика, который бы не завидовал холостяку, и ни одного холостяка, который бы не завидовал женатику. Признаюсь, я в некоторых аспектах завидую женатым.

– Дима, что для тебя отдых, если вообще он присутствует в твоей жизни?

– Высшая форма отдыха для меня – это съездить с Дашей *(нынешняя девушка Диброва, которая «навсегда». – Е. Е.)* на базар, купить чесноку, сала, шашлыка. Пригласить Валеру Тодоровского и всю ночь провести в горячих дискуссиях о судьбе кинематографа.

– Какие места в Москве ты любишь больше всего?

– Как ни странно, но один из переулков Ленинградского вокзала. Это даже не переулок… Территория депо «Москва-Сортировочная». Там стоит мой любимый монумент вождю мирового пролетариата. Про этот памятник до сих пор практически никто не знает. Когда-то мне его показали молодые архитекторы. Теперь я вожу посмотреть на «автоматического Ленина» всех друзей. Когда Ильич умер, то горе народное было так велико, что рабочие депо «Москва-Сортировочная» решили соорудить ему памятник. Но не из банального мрамора, а из того, что составляло их предметный мир: кусков паровоза, колес, рельсов, болтов… Получилось нечто среднее между зенитной установкой и машиной времени! Надпись на монументе гласит: «Памятник Владимиру Ильичу Ленину воздвигнут рабочими паровозных и вагонных мастерских 5-го участка тяги Октябрьской железной дороги 1925 г.» Поскольку вождя поставили на колеса, то его можно спустить на рельсы и покатить. Например, туда, где совершаются какие-то социальные катаклизмы. Однажды я привез посмотреть на «механического Ленина» легендарную английскую группу «Stomp». Памятник поверг ребят в истерику! Они без конца фотографировались, веселились, как дети, шампанское текло рекой, они пили за Ильича. Закончилось ликование тем, что нас всех забрали в милицию.

И конечно, не могу не сказать о Патриарших прудах. Вот это место, где я бы мечтал жить! Если ты оказываешься на «Патриках» вечером, любовь так и прет из тебя! Я часто прихожу сюда с друзьями и с гитарой…

– Но квартиру ты купил все же на Арбате…

– Да. Если забраться на крышу моего дома, то вид будет напоминать улочки Парижа… На Арбате я, конечно, вспоминаю Окуджаву. Отец мой был фанатичным, яростным поклонником Булата Шалвовича. Он знал все его песни наизусть и пел их мне. «Ах, Арбат, мой Арбат, ты – моя религия. Мостовые твои подо мной лежат…». Неудивительно, что Окуджава был богом моего детства. И разве мог я тогда подумать, что много-много лет спустя мне придется сообщить людям о смерти этого человека. В эфире «Доброго утра» на тогдашнем ОРТ.